

e-ISSN 3060-5059

DOI: 10.67227

IJTIMOYIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNAL

Scientific and Innovative Research in
Social and Humanitarian Studies

Vol. 3 • Issue 7

2026

Founded in 2024

publishscience.uz

publish_science_journal@mail.ru

PEER REVIEWED • OPEN ACCESS

O'ZBEK TILIDA INTONATSIYA VA PRAGMATIKA

Chulliyeva Gulchexra Toshpulatovna

Buxoro davlat universiteti, doktorant.

e-mail: gulchexrach@mail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7642-8893>

Annotatsiya.

Maqolada turkiy tillar oilasiga mansub agglutinatив til bo'lgan o'zbek tili materialida intonatsiya va pragmatika o'rtasidagi o'zaro bog'liqlik tadqiq etiladi. Mazkur muammoni o'rganishning nazariy asoslari sifatida J. L. Ostin va J. R. Searlning nutq aktlari nazariyasi, G. P. Graysning kooperativ tamoyili, prosodik pragmatika hamda diskursiv lingvistika konsepsiyalari ko'rib chiqiladi. O'zbek tilida intonatsiya tilning struktur-tipologik xususiyatlari, ya'ni so'z tartibining nisbatan qat'iyligi, rivojlangan affiksial tizimi va bilvosita nutqiy xulq-atvorning madaniy an'analari tufayli alohida pragmatik yuklamani bajarishi haqidagi tezis ilgari suriladi. Intonatsiyaning asosiy pragmatik funksiyalari — illokutiv-konstitutiv, implikaturaviy, fokuslovchi, diskursni tashkil etuvchi hamda emotiv-ekspressiv funksiyalari tizimlashtiriladi. Shuningdek, ushbu yo'nalishda kelgusidagi empirik tadqiqotlar dasturi taklif etiladi.

Kalit so'zlar: intonatsiya, pragmatika, o'zbek tili, nutq akti, illokutiv kuch, kooperativ tamoyil, prosodiya, kommunikativ niyat, implikatura, diskurs.

ИНТОНАЦИЯ И ПРАГМАТИКА В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Чулльева Гульчехра Тошпулатовна

Бухарский государственный университет, докторант.

Аннотация.

В статье исследуется взаимосвязь интонации и прагматики на материале узбекского языка — агглютинативного языка тюркской группы. Рассматриваются теоретические основания изучения данной проблемы: теория речевых актов Дж. Л. Остина и Дж. Р. Сёрла, кооперативный принцип Г. П. Грайса, концепции просодической прагматики и дискурсивной лингвистики. Выдвигается тезис о том, что в узбекском языке интонация выполняет особую прагматическую нагрузку в силу структурно-типологических особенностей этого языка: фиксированного порядка слов, развитой аффиксальной системы и культурной традиции косвенного речевого поведения. Систематизируются основные прагматические функции интонации: иллокутивно-конститутивная, имплицитурная, фокусная, дискурсоорганизующая и эмотивно-экспрессивная. Предлагается программа дальнейших эмпирических исследований.

Ключевые слова: интонация, прагматика, узбекский язык, речевой акт, иллокутивная сила, кооперативный принцип, просодия, коммуникативное намерение, имплицитура, дискурс.

INTONATION AND PRAGMATICS IN THE UZBEK LANGUAGE

Chulliyeva Gulchexra Toshpulatovna

Bukhara State University, Doctoral Student.

Abstract.

This article examines the relationship between intonation and pragmatics using data from the Uzbek language, an agglutinative member of the Turkic language family. It reviews the theoretical foundations of the topic, including J. L. Austin's and J. R. Searle's Speech Act Theory, H. P. Grice's Cooperative Principle, and the concepts of prosodic pragmatics and discourse linguistics. The study argues that intonation performs a distinctive pragmatic function in Uzbek due to the language's structural and typological characteristics, including its relatively fixed word order, highly developed agglutinative morphology, and the cultural tradition of indirect speech behavior. The principal pragmatic functions of intonation are systematized as illocutionary-constitutive, implicature-related, focus-marking, discourse-organizing, and emotive-expressive. The paper also proposes directions for future empirical research.

Keywords: intonation, pragmatics, Uzbek language, speech act, illocutionary force, Cooperative Principle, prosody, communicative intention, implicature, discourse.

Введение. Речевое общение представляет собой многоуровневое явление, в котором смысл высказывания никогда не сводится к простой сумме значений составляющих его слов. За внешней оболочкой любого произнесённого текста скрываются коммуникативное намерение говорящего, социальный контекст взаимодействия и культурные конвенции, определяющие то, как следует понимать сказанное. Одним из ключевых механизмов, обеспечивающих передачу этого многомерного смысла в устной речи, является интонация — система супrasegmentных средств, накладывающихся на сегментный уровень и придающих высказыванию его коммуникативное измерение.

Интерес к интонации в контексте прагматики значительно вырос в последние десятилетия: исследования в области просодики показывают, что интонационный контур, темп, паузация и тональный диапазон несут не только фонетическую, но и глубокую прагматическую информацию — о намерениях говорящего, его эмоциональном состоянии, отношении к адресату и к предмету речи. Тем не менее применительно к узбекскому языку данная область остаётся слабо разработанной: существующие работы сосредоточены либо на описании фонетической системы узбекского языка (В. В. Решетов, А. Махмудов, А. Набиев), либо на прагматике в широком смысле (М. Ҳакимов, Н. Қозоқова), тогда как прагматический потенциал собственно интонации систематически не изучался.

Настоящая статья ставит целью восполнить этот пробел: опираясь на ведущие концепции теоретической лингвистики и прагматики — теорию речевых актов, кооперативный принцип Грайса, теорию релевантности Спербера и Уилсон, — мы стремимся очертить теоретические контуры взаимосвязи интонации и прагматики применительно к узбекскому языку, а также систематизировать функции интонации в коммуникативном пространстве узбекской речи.

Прежде чем перейти к анализу прагматического измерения интонации, необходимо уточнить само понятие. В лингвистической традиции интонация понимается неоднозначно: одни исследователи трактуют её как часть просодической системы языка, другие — как самостоятельное явление, охватывающее весь комплекс супrasegmentных средств на уровне фразы.

«Интонация — это единство взаимосвязанных компонентов: мелодики, интенсивности, длительности, темпа речи и тембра произнесения» (Торсуева, 1998, с. 197).

С функциональной точки зрения, однако, важнее не дефиниция, а то, какую роль интонация играет в построении смысла высказывания. Е. А. Брызгунова предложила рассматривать интонацию как систему звуковых средств языка, функционирующих во взаимодействии с синтаксическим строением высказывания и его лексическим составом. Именно в этом функциональном измерении интонация пересекается с прагматикой: она не просто оформляет уже готовое содержание, но и соучаствует в его создании.¹

В современной лингвистике принято различать просодию — систему всех супrasegmentных характеристик, реализующихся на разных уровнях речевых сегментов (слог, слово, фраза, текст), — и интонацию как просодическое явление, действующее преимущественно на уровне фразы и высказывания. Именно интонация в этом узком смысле является главным прагматическим инструментом устной речи.

Фундаментом современной прагматики по праву считается теория речевых актов, заложенная британским философом Дж. Л. Остином в его Гарвардских лекциях (1955; опубликованы в 1962 г.) и существенно развитая его учеником Дж. Р. Сёрлом. Остин предложил разграничить три аспекта любого высказывания: локутивный акт (само произнесение), иллокутивный акт (то действие, которое говорящий совершает посредством произнесения, — обещание, вопрос, приказ, просьба и т. д.) и перлокутивный акт (реальный эффект, производимый на адресата).²

Принципиально важно, что иллокутивная сила высказывания, то есть коммуникативное действие, которое говорящий совершает, произнося данную фразу, может выражаться как эксплицитно (через перформативные глаголы типа «обещаю», «прошу», «запрещаю»), так и имплицитно — через порядок слов, наклонение глагола, выбор частицы и, что особенно важно для нашего исследования, через интонацию. Сёрл в формуле структуры речевого акта **F(p)**, где **F** обозначает иллокутивную силу, а **p** — пропозициональное содержание, специально указывал, что показателями иллокутивной функции могут служить наклонение глагола, порядок слов, ударение и интонационный контур.³

Для узбекского языка этот тезис приобретает особое значение. В отличие от языков с развитой системой синтаксической инверсии или богатым инвентарём вопросительных местоимений и частиц, в узбекском языке — при наличии, разумеется, таких средств, как частица **-mi**, — интонация выступает самодостаточным и нередко единственным маркером иллокутивного типа высказывания. Одно и то же предложение «Keldi» («Пришёл»), произнесённое с нисходящим мелодическим контуром, представляет собой нейтральное сообщение о факте; произнесённое с восходящей интонацией — превращается в вопрос, требующий подтверждения; с особым эмфатическим ударением и паузой перед последним слогом — в выражение неверия или удивления. Грамматическая форма при этом остаётся неизменной: иллокутивную трансформацию производит исключительно просодика.

Вторым теоретическим фундаментом, необходимым для осмысления прагматической роли интонации, является кооперативный принцип, сформулированный американским философом языка Г. П. Грайсом в его знаменитой статье «Logic and Conversation» (1975). Суть принципа состоит в том, что участники речевого взаимодействия негласно договариваются делать свой коммуникативный вклад таким, каким он должен быть в данный момент, исходя из цели или направления разговора.⁴

Для реализации этого принципа Грайс предложил четыре максимы: Качества (говори то, что считаешь

истинным), Количества (говори ровно столько, сколько нужно), Отношения (говори по существу) и Способа (говори ясно и упорядоченно). Когда эти максимы нарушаются — намеренно или в силу особых обстоятельств, — адресат, исходя из допущения о кооперативности говорящего, ищет скрытый смысл, порождающий то, что Грайс назвал конверсационной имплицатурой.

Роль интонации в данной системе двояка. С одной стороны, интонация сигнализирует о характере нарушения той или иной максимы: понижение тона при произнесении восхваляющей фразы сигнализирует о нарушении максимы Качества и запускает интерпретацию в режиме иронии; нарочито замедленный, растянутый темп при ответе на простой вопрос — возможный сигнал нарушения максимы Способа, означающий неуверенность или нежелание отвечать прямо. С другой стороны, интонация сама по себе может порождать имплицатуру: короткий вздох, пауза, особый тембр голоса способны передать больше, чем произнесённые слова.

Для понимания специфической роли интонации в узбекском языке необходимо учитывать его структурно-типологические характеристики. Узбекский язык относится к агглютинативному типу тюркских языков; при этом он лишён сингармонизма, свойственного большинству тюркских языков, что влечёт за собой единообразие аффиксального инвентаря.

Базовый порядок слов в узбекском языке — SOV (субъект — объект — предикат), причём сказуемое располагается в конце предложения. Это обстоятельство имеет принципиальное значение для просодики: иллокутивная функция предиката (его наклонение, форма лица и числа) реализуется в конечной позиции, что делает финальную интонемию особенно коммуникативно нагруженной. Восходящий финальный контур сигнализирует о незавершённости или вопросительности; нисходящий — о сообщении факта или завершённости действия; ровный с повышением на последнем слоге — об ожидании реакции адресата.

Существенно и то, что в узбекском языке вопрос может быть образован двумя способами: с помощью аффикса **-mi** (присоединяемого к сказуемому или к слову, находящемуся в фокусе вопроса) и без каких-либо формальных маркеров — исключительно посредством интонации. Оба способа полноправны и широко используются в живой речи, однако сферы их употребления не тождественны. Вопрос с **-mi**, как правило, сигнализирует о более нейтральном информационном запросе; вопрос, маркированный только интонационно, нередко несёт дополнительную прагматическую нагрузку: удивление, недоверие, риторичность или эмоциональный оттенок приглашения к диалогу.

Немаловажен и культурный контекст. В узбекской речевой культуре прямолинейное выражение просьбы, несогласия или критики традиционно воспринимается как нарушение норм вежливости. Предпочтение отдаётся косвенным речевым стратегиям, в которых интонация играет роль ключевого средства декодирования прагматического смысла. Именно посредством интонации в узбекской речи передаётся разница между категорической просьбой и мягким пожеланием, между искренней благодарностью и формальной учтивостью.

Наиболее фундаментальная прагматическая функция интонации — её способность конституировать (создавать, определять) иллокутивный тип высказывания. В речевой практике узбекского языка данная функция реализуется особенно ярко: поскольку синтаксическая инверсия не является обязательным маркером вопроса, а частица **-mi** может отсутствовать, именно мелодический рисунок нередко является единственным сигналом того, что перед нами: утверждение, вопрос, приказ или восклицание.

Рассмотрим конкретный пример. Высказывание «Uyga bordingiz» («Вы пошли домой») в зависимости от интонационного оформления реализуется как: (а) нейтральное сообщение о факте — нисходящий контур на последнем слоге предиката; (б) вопрос с лёгким удивлением — восходяще-нисходящий контур с выделением слова «uyga»; (в) упрёк — нисходящий контур с повышенной интенсивностью и замедлением темпа; (г) риторический вопрос — особый контур с удлинением ударного слога и паузой в конце. Лексико-грамматическая форма во всех случаях остаётся неизменной.

Одной из наиболее значимых в коммуникативном отношении является имплицатурная функция интонации. Имплицатура — термин, введённый Г. П. Грайсом для обозначения смысла, который не выражен в высказывании эксплицитно, но подразумевается говорящим и восстанавливается адресатом через кооперативный принцип, — в устной речи нередко возникает именно благодаря несоответствию между лексическим содержанием и просодическим оформлением.

В узбекской разговорной речи особенно распространена ирония как форма имплицатуры. Похвала, произнесённая с намеренно монотонной интонацией и замедленным темпом, воспринимается как завуалированное осуждение; восклицание «Zo'r!» («Молодец! / Здорово!»), произнесённое с нисходящей, приглушённой интонацией, в определённых контекстах воспринимается как иронический упрёк. Адресат, опираясь на кооперативный принцип и зная, что говорящий не стал бы нарушать максимум качества без особой причины, ищет скрытый смысл — и находит его именно в просодическом несоответствии.

Аналогичным образом реализуется вежливый отказ: в узбекской речевой практике прямое «yo'q» («нет») нередко заменяется уклончивым ответом, интонация которого сигнализирует о нежелании или невозможности выполнить просьбу. Пауза, убыстрение темпа или особый тон — всё это служит адресату сигналом о том, что за буквальным содержанием ответа стоит иной смысл.

Третья прагматическая функция интонации — организация информационной структуры высказывания, то есть разграничение «данного» (известного адресату из контекста или ситуации) и «нового» (того, что говорящий сообщает впервые). В лингвистике это разграничение принято обозначать терминами «тема» и «рема», причём рема — новая, коммуникативно значимая информация — как правило, выделяется интонационно.

В узбекском языке логическое ударение — просодическое выделение ремы — реализуется через повышение тона и увеличение длительности ударного слога соответствующего слова. При этом логическое ударение в узбекском языке более мобильно, чем лексическое: оно может падать на любой член предложения, кардинально меняя смысл высказывания. Предложение «Акбар китоб олди» («Акбар купил книгу») при выделении каждого из трёх слов порождает три различных прагматических прочтения: в первом случае акцент делается на субъекте действия (именно Акбар, а не кто-то другой), во втором — на объекте (именно книгу, а не что-то иное), в третьем — на самом действии (именно купил, а не взял, украл или получил в подарок).

Интонация в узбекской речи выступает также как средство организации дискурса — управления ходом диалога и монолога. В первую очередь это касается сигналов незавершённости/завершённости высказывания. Восходящий или ровный финальный контур в конце синтагмы сигнализирует адресату о том, что говорящий ещё не закончил мысль и не передаёт право голоса; нисходящий контур, напротив, означает завершение высказывания и открывает возможность для ответной реплики.

В узбекском языке дискурсивные маркеры — частицы и модальные слова типа **-ku**, **-da**, **-chi**, **axir**, **xo'sh** — непосредственно взаимодействуют с интонацией: одна и та же частица может выполнять принципиально различные дискурсивные функции в зависимости от просодического оформления. Частица **-chi** при восходящей интонации превращает высказывание в мягкий побудительный вопрос («А ты?»), а при нисходящей — в риторическое замечание или апелляцию к очевидному.

Наконец, интонация в узбекской речи является важнейшим носителем эмоционально-экспрессивного содержания. Это прагматически значимое измерение высказывания: эмоциональное состояние говорящего влияет на интерпретацию высказывания адресатом — на его перлокутивный эффект — и тем самым становится частью коммуникативного акта.

Радость, тревога, удивление, разочарование, нежность — все эти состояния передаются через специфические просодические контуры: расширение тонального диапазона при восторге, сужение и монотонность при апатии или подавленности, резкое повышение тона при неожиданности. В узбекской речевой культуре, где нормы этикета ограничивают открытое выражение негативных эмоций, именно интонация нередко оказывается единственным каналом их трансляции — настолько тонким, что опытный носитель языка безошибочно «считывает» эмоциональный подтекст, тогда как иностранец или недостаточно культурно компетентный собеседник его упускает.

Косвенные речевые акты — ситуации, в которых реальная иллокутивная сила высказывания не совпадает с той, которую диктует его грамматическая форма, — занимают центральное место в узбекской коммуникативной практике. Это связано с культурной ориентацией на вежливость и непрямое выражение, характерной для узбекской речевой культуры.

Рассмотрим прагматически показательный пример. Высказывание «Oynani yopsangiz bo'lmaydi?» (букв. «Не могли бы Вы закрыть окно?») является по форме вопросом — причём вопросом с имплицитным отрицанием. По своей иллокутивной силе это вежливая просьба — директивный акт, оформленный в виде интеррогатива. Принципиально важно, что именно интонация регулирует степень «вежливости» или «настойчивости» этой просьбы: произнесённое с мягкой восходящей интонацией высказывание воспринимается как мягкое пожелание; произнесённое с нисходящим, напористым контуром — приближается по иллокутивной силе к приказу, несмотря на формальную «вежливость» лексико-грамматической оболочки.

Данное наблюдение согласуется с положением Сёрла о том, что косвенные речевые акты обладают двойной иллокутивной силой: буквальной (вопрос о способности) и косвенной (просьба), причём декодирование косвенной иллокутивной силы осуществляется адресатом с опорой на контекст, пресуппозиции и — в устной речи — интонацию. В узбекском языке этот механизм работает особенно активно, поскольку культурная норма требует «смягчения» директивных актов посредством косвенных форм, а интонация служит тонкой настройкой степени этого смягчения.

Обобщая вышесказанное, можно выделить три уровня взаимодействия интонации и прагматики в узбекском языке, каждый из которых обладает собственной коммуникативной логикой.

На первом уровне — уровне иллокуции — интонация действует как конститутивный элемент речевого акта: она определяет, является ли высказывание утверждением, вопросом, просьбой или приказом. На этом уровне интонация взаимодействует с грамматическими и лексическими средствами, нередко дублируя их, но порой и вступая с ними в прагматически значимое противоречие (как в случае с косвенными речевыми актами).

На втором уровне — уровне имплицитур — интонация выходит за пределы непосредственного иллокутивного содержания и порождает дополнительные смыслы: иронию, сарказм, вежливый отказ, скрытое несогласие. Этот уровень особенно значим для узбекской коммуникации, в которой косвенность является культурной нормой.

На третьем уровне — уровне дискурсивной организации — интонация управляет структурой речевого взаимодействия: сигнализирует о смене коммуникативных ролей, о завершённости или незавершённости тематических фрагментов, о степени вовлечённости говорящего в тему разговора. Этот уровень тесно связан с анализом дискурса как интерактивного процесса.

7. Перспективы эмпирических исследований

Теоретические соображения, изложенные в настоящей статье, открывают широкое поле для эмпирических исследований, которые в области узбекской просодической прагматики фактически ещё не проводились. Можно наметить несколько приоритетных направлений.

Во-первых, перспективным представляется корпусное исследование просодических паттернов, сопровождающих различные типы речевых актов в узбекском диалогическом дискурсе. Создание аннотированного звукового корпуса узбекской разговорной речи с разметкой иллокутивных типов и интонационных контуров позволило бы установить статистически достоверные соответствия между просодическими характеристиками и прагматическими типами высказываний.

Во-вторых, важным направлением является экспериментально-фонетическое исследование воспринимаемой прагматической значимости различных просодических контуров. Перцептивные эксперименты (*perceptual tests*) с носителями узбекского языка позволили бы установить, какие именно просодические параметры (высота тона, темп, длительность ударного слога, пауза) являются наиболее значимыми для различения прагматических типов.

В-третьих, социолингвистически важным представляется изучение того, как просодические стратегии реализации речевых актов варьируются в зависимости от социальных переменных: возраста, гендера, социального статуса говорящего и адресата, степени знакомства, официальности ситуации. Узбекская система социальных отношений, отражающаяся в языке (в частности, в противопоставлении местоимений *sen / siz*), вероятно, имеет характерное просодическое выражение.

Интонация и прагматика в узбекском языке находятся в отношениях взаимной конститутивности: интонация выражает прагматические смыслы, а прагматические намерения говорящего определяют выбор просодического оформления высказывания. Эта взаимосвязь особенно значима для узбекского языка по ряду причин: агглютинативная морфология с относительно фиксированным порядком слов создаёт условия, при которых интонация берёт на себя значительную долю коммуникативно-дифференцирующей нагрузки; культурная установка на косвенное речевое поведение делает интонацию основным инструментом реализации имплицитных смыслов; наконец, богатая система дискурсивных частиц взаимодействует с интонацией, образуя тонко настраиваемый механизм управления диалогом. Теория речевых актов Остина и Сёрла, кооперативный принцип Грайса и современная просодико-прагматическая парадигма образуют надёжный концептуальный фундамент для системного изучения данной проблематики. Вместе с тем они задают лишь общую рамку: её конкретное наполнение применительно к узбекскому языку предстоит осуществить в ходе целенаправленных эмпирических исследований, которые составляют неотложную задачу узбекского языкознания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антипова А. М. Система английской речевой интонации. – М.: Высшая школа, 1979. – 131 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. – М.: Прогресс, 1977. – 280 с.
4. Гловинская М. Я. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. – М.: Наука, 1990. – С. 74–146.
5. Nabiyeu A. O'zbek tili fonetikasi [Фонетика узбекского языка]. – Jizzax: JDPU, 2021.
6. Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика. – Минск: БГУ, 2009. – 184 с.
7. Решетов В. В. Основы фонологии и фонетики узбекского языка. – Ташкент: Фан, 1966.
8. Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания. – М.: Наука, 1979. – 111 с.
9. Hakimov M. O'zbek tilida matnning pragmatik talqini [Прагматическая интерпретация текста в узбекском языке]: дис. ... д-ра филол. наук. – Toshkent, 2001. – 283 b.
10. Qozoqova N. Badiiy matn pragmatikasi [Прагматика художественного текста]. – Namangan: NamDU, 2024.
11. Austin J. L. How to Do Things with Words. – Oxford: Oxford University Press, 1962. – 166 p.
12. Grice H. P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3 / ed. by P. Cole, J. Morgan. – New York: Academic Press, 1975. – P. 41–58.
13. Searle J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
14. Searle J. R. Indirect Speech Acts // Syntax and Semantics. Vol. 3. – New York: Academic Press, 1975. – P. 59–82.
15. Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. – Oxford: Blackwell, 1986. – 279 p.
16. Gussenhoven C. The Phonology of Tone and Intonation. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 345 p.
17. Hirschberg J. Pragmatics and Prosody // The Oxford Handbook of Pragmatics / ed. by Y. Huang. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 532–564.
18. Leech G. N. Principles of Pragmatics. – London; New York: Longman, 1983. – 250 p.